

В МИРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

А. В. ГЛАДЫШЕВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ¹

Антропологический поворот отразился и на военной истории, из которой выделяется военно-историческая антропология. В историографии о человеческом измерении в военной истории заговорили в 1994–1995 гг. Поворот в антропологизации истории наполеоновских войн (и вообще войн XIX в.) произошел лет на пять-семь позднее, чем в истории войн XX в. Внимание исследователей теперь концентрируется на культурных и социальных аспектах войны как исторического феномена. При этом «поворот» носит условный характер: сюжеты, которые сегодня считаются визитной карточкой военно-исторической антропологии, зачастую становились объектом внимания раньше всех объявлений о повороте. В конечном итоге, поворот – констатация свершившегося, а не декларация о намерениях.

Ключевые слова: *антропологический поворот, военная история, история Франции, наполеоновские войны, микроанализ, кросскультурный синтез, наноистория*

Лет 25 назад в такой довольно консервативной, слабо подверженной «методологическим веяниям» области историографии как военная история наметились радикальные сдвиги, позволяющие заговорить даже о методологическом повороте, о смене «исследовательских парадигм» и т.п. Этот поворот определили как антропологический, в чем не было ничего уникального – аналогичные «повороты» происходили и в других областях историографии: на смену обезличенной структуре приходит лик индивида. Постепенно выкристаллизовываются новые дисциплины или (более скромно) дисциплинарные направления, которым, естественно, для независимого существования необходимо как минимум застолбить свои собственные предмет и объект исследования.

Попытки определить предмет и объект нового дисциплинарного направления всегда наталкиваются на необходимость четких дефиниций. Как следствие мы отличаем физическую антропологию, философскую антропологию, социокультурную антропологию. Но нас призывают еще отличать «военную антропологию». И не просто отличать, а отличать от «военно-исторической антропологии»², предмет которой обозначается как человек, культура и общество, до войны, в ходе войны, после войны³. Фактически в качестве предмета военно-историчес-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

² Бажуков 2008.

³ Сенявская 2002. С. 13.

кой антропологии выступают не только сами войны, и не только сами военные, а все то, что так или иначе связано с армией и военными. И главное отличие здесь от традиционной военной истории даже не в расширении предметного поля исследования за счет включения в него гражданского населения, а в акцентировании человеческого измерения.

Сегодня мы пытаемся не только констатировать, но и осмыслить, оценить эти новые «измерения» и «направления» в военной истории. Видимо, уже можно говорить не просто о «новых веяниях» или «поворотках», а о формировании в военной истории научного мейнстрима «с человеческим лицом». Свидетельство тому – тематика докладов конференций, посвященных крупным мировым конфликтам.

Международный центр истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 17 марта 2016 г. провел в Москве международную научную конференцию «Осмысливая прошлое, глядя в будущее: новые направления в изучении истории второй мировой войны». В центре внимания докладчиков были «образ союзника», «образ антифашиста», формирование «пространства памяти», «женщины и война» и т.п. Другой пример. В октябре 2014 г. в Ставрополе прошла международная конференция «Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории». Из четырех направлений работы конференции наиболее представительными стали «Образы войн в исторической памяти и национальных нарративах» и «Мир человека во время Первой мировой войны», в то время как в направлении «Военно-политические аспекты Первой мировой войны», напротив, представлено примерно 13% от общего числа докладов. Мы видим, как антропологический подход проникает в военную историю через историю повседневности (военного быта), историю исторической памяти, империологию, историю реакции «общества» на войну.

Когда начался этот переход от военно-операционной к антропоориентированной истории? Увлечение антропологическим измерением – общая тенденция историографии, начиная с 1980-х гг. Что касается военной истории, то антропологический поворот в ее изучении можно датировать примерно серединой 1990-х. По крайней мере, уже к 1994–1995 г. в ряде зарубежных журналов, специализирующихся на военной истории, появились статьи-манифесты, статьи-призывы антропологизировать это направление в историографии⁴.

Что касается отечественной историографии, то в 2002 г. специалист по военной истории России XX в. Е.С. Сенявская (Институт российской истории РАН) приступила к изданию сборника «Военно-историческая антропология», став, как значится на ее личной странице

⁴ Ср.: Бекер 1999.

на сайте ИРИ РАН, «основателем и лидером нового научного направления «Военно-историческая антропология и психология». Но еще до этого сборника выходили монографии Сенявской по психологии войны⁵. Были и исследования других авторов, и конференции⁶, свидетельствующие, как выразился В.Н. Земцов, об осознании военными историками «ограниченности позитивистского восприятия прошлого» и переключении их на «мысли, чувства, коды поведения и отклонения от них людей разных общественных горизонтов: <...> сегодняшних исследователей интересуют, прежде всего, психологические, гендерные, антропологические, ментальные аспекты военного прошлого. Большое внимание уделяется эволюции представлений о противнике, о себе самих, различным аспектам исторической памяти и т. д.»⁷.

Антропологический поворот в военной истории, как и любой «поворот» в историографии, естественно, носит условный характер: историки (в мировом масштабе) никогда не ходили шеренгами и по команде не поворачивались. И дело даже не в том, что кто-то остался на прежних позициях. Дело в том, что те сюжеты, которые сегодня считаются визитной карточкой военно-исторической антропологии, становились объектом внимания раньше всех объявлений о повороте. В конечном итоге, поворот – констатация свершившегося, а не декларация о намерениях; те постановки проблем, что вчера смотрелись как оригинальные и даже маргинальные, сегодня стали историографической модой.

В чем конкретно состоит этот «поворот», с точки зрения исследователей, занимающихся наполеоновскими войнами, просто и понятно констатировал Э. Вовси, выступая на «круглом столе», организованным Институтом всеобщей истории РАН и Российско-французским центром исторической антропологии им. Марка Блока РГГУ в преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.: «До недавнего времени специалисты изучали в основном оперативные планы противоборствующих сторон, накопление и использование ими военного потенциала и, наконец, стратегические операции и выполнение тактических решений в отдельно взятых сражениях»⁸. Теперь же «одной из задач историка видится познание того, как жизненный опыт, приобретенный в разных условиях, наложил отпечаток на восприятие пережитого участниками событий либо немедленно, либо по прошествии лет. Медленно, но верно ему (историку – А.Г.) приходится отходить от «наблюдения» за полями сражений, от традиционных описаний фланговых маневров, количества захваченных орудий и оценок целесообразности тех или иных элементов военной формы, все более концентрируясь на культурных и

⁵ Сенявская 1995; 1997.

⁶ Поршнева 2000; Человек и война... 2001.

⁷ Земцов 2012. С. 122.

⁸ Вовси 2011. С. 357.

социальных аспектах войны как исторического феномена, являющегося результатом многих и многих вовлеченных в войну людей»⁹.

Что касается антропологизации изучения наполеоновских войн, то, кажется, их исследователи несколько отстали от своих коллег, занимающихся мировыми войнами. Французы констатируют, что поворот в истории наполеоновских войн произошел лет на пять-семь позднее, чем антропологизация войн XX века. Получается, что до начала 2000-х гг. история наполеоновских войн оставалась в стороне от новых подходов, пока Алан Форрест в 2002 г., а Натали Петито в 2003 г. не издали свои труды о солдатах Наполеона¹⁰. И, как считает сама Петито, с этого момента «история войн Империи стала составной частью исторической антропологии войны»¹¹. В список своих предтеч в деле изучения личности перед лицом войны и систем репрезентаций Петито помимо Форреста включила Гюнтера Ротенберга (1978) и Рори Мюира (1998)¹². Но все же, заметим, что у нее речь идет о вполне конкретном сюжете – восприятии солдатами Великой армии своего опыта, а главным источником для нее являются солдатские письма и мемуары. Если же иметь в виду, что антропологический поворот в военной истории не ограничивается исключительно солдатскими перцепциями, то список авторов, которые и до Форреста с Петито не ограничивали свой интерес военно-операционными сюжетами, можно расширить¹³.

За редкими исключениями вся «антропология» сводилась к описанию реалий повседневной жизни на маршах и во время битв, да отношения населения к призыву на военную службу. Но надо помнить, что «наполеонистика» гораздо шире, чем «военная история наполеоновских войн». Естественно, французы время от времени обращались

⁹ Вовси 2011. С. 349.

¹⁰ Forrest 2002; Petiteau 2003.

¹¹ Petiteau 2005; 2012.

¹² Petiteau 2005. При том, что книга Р. Мюира посвящена вопросам тактики и стратегии, автор уделяет большое внимание личному восприятию войны солдатами, на основе писем и дневников описывая их чувства в ночь перед боем, ощущения пехотинца при атаке кавалерии и т.п. (Muir 1998). Г. Ротенберг предпринял комплексное, «синтезное» исследование: он описывает организацию, методы обучения, оборудование, тактику и стратегию французских войск и войск союзников, но также исследует системы материально-технического обеспечения, фортификационные сооружения, медицинские услуги, борьбу с повстанцами и т.п. (Rothenberg 1978).

¹³ Популяризаторы истории наполеоновских войн давно этим занимались. Повседневной жизни наполеоновской армии уделил внимание преподаватель лицея А. Пижар: Pigeard 2000. См. научно-популярные книги о кампании 1812 г.: Hourtoulle 2000; Damamme 2009. Отдельные французские сайты относят к «новым веяниям» работу, изданную на французском в 2000 и 2006 г., а написанную еще в 1987 г., американца К. Кейта (Cate 2000), который изучал историю в Гарварде, а русский и польский в Школе восточных языков и долгое время работал журналистом: <http://www.histoire.presse.fr/actualite/infos/campagnes-russie-savoir-plus-23-02-2012-43693>

к изучению того следа, что оставил Наполеон в сердцах, умах и памяти соотечественников. Легенда о Наполеоне, отражение образа Наполеона в изобразительном искусстве, литературе, музыке, кинематографе и, наконец, французской историографии – одна из излюбленных тем для обсуждения: недаром XIX в., по выражению Арагона, «продолжал дышать пьянящим запахом наполеоновского пороха». И в XX в. и XXI в. Наполеон, несмотря на все дебаты о его наследии, еще остается в коллективном сознании французов принципиальной точкой отсчета¹⁴.

Общий пафос спецвыпуска 2005 г. «Revue d'histoire du XIXe siècle», который носит подзаголовок «За культурную историю войн XIX века», и в котором опубликована цитируемая статья Н. Петито, заключается в том, что, ставя в пример специалистов по истории Первой мировой войны, историки, занимающиеся XIX в., призывают друг друга к «антропологическому измерению». Одиль Руанет из университета Франш-Конте, автор книги «Слова солдат»¹⁵, призвала своих коллег из «Общества изучения истории революции 1848 года и революций XIX века», издающих «Revue d'histoire du XIXe siècle», обратить внимание на проблематику войны: удивительно, но в этом издании с 1994 по 2004 г. непосредственно наполеоновским войнам посвящена только одна статья¹⁶. Парадоксально также, отмечает О. Руанет, что если понятие «культура войны» распространилось с 1994 г. среди специалистов по войнам XX столетия¹⁷, то ничего подобного не произошло в силу ряда причин со специалистами по войнам XIX века¹⁸.

Эти призывы и укоры, видимо, надо отнести к редакционной политике «Revue d'histoire du XIXe siècle», сообщество же наполеоноведов довольно уверенно приступило к освоению тематики «человека военного» и «человеческого измерения войны». Среди работ этого

¹⁴ См., например: Gonnard 1906; Perivier 1918; Driault 1927. Подборку текстов французских писателей об императоре к столетию его смерти сделали Р. Бюрнан и Ф. Буше. См.: L'histoire de Napoléon... 1921. Затем писали об этом Dechamps 1931; Descotes 1967. Индиец, рожденный на Маврикии, оксфордский профессор политических наук Судхир Хазаресингх, порывшись во Французских архивах, выпустил в свет исследование о генезисе и эволюции наполеоновской легенды в коллективном сознании французов (Hazareesingh 2005, обзор этой работы сделала Н. Петито: Petiteau 2006). См. также: Собуль 1970; Вольперт 1990; Стерликов 2007.

¹⁵ Roynette 2004. По признанию самого автора, в этой книге предпринята попытка показать «социальное воображение» солдат Третьей республики через их специфический словарь и сленг.

¹⁶ Largeaud 2002.

¹⁷ См., например: Guerres et Cultures... 1994.

¹⁸ Roynette 2005. № 30. Одиль Руанет пытается выделить в современной историографии три темы военно-антропологических исследований, которые я бы назвал так: «Женщины во французской армии XIX в.», «Горизонтальные связи между солдатами: между малой родиной и великой Nation», «Личный опыт сражающихся: насилие и катарсис».

направления можно назвать монографию известного специалиста по проблемам взаимодействия армии и общества, взаимовосприимчивости военных и гражданских Ж.-П. Берто «Когда дети говорят о славе. Армия в сердце наполеоновской Франции». В ней анализируется социальный облик наполеоновского солдата, его чаяния, надежды и мотивы поведения¹⁹. Не без влияния антропологии написаны работы Ж.-П. Мира, М.-П. Рей и др.²⁰ Продолжил изучение сознания солдат наполеоновских армий А. Форрест, организовав издательский проект «Война, культура и общество, 1750–1850», в рамках которого увидел свет ряд монографий²¹. Внутренний мир людей на войне раскрывает в своей монографии «Боевое братство, дружба и сексуальность в Наполеоновскую эпоху» Брайан Мартин²². Изучив дневники и письма немецких солдат – ветеранов наполеоновских армий, посвятил книгу повседневной жизни Великой армии Наполеона Карл Й. Майер: марши, бивуаки, ранения, болезни, голод, мародерство и грабежи сменяют друг друга нескончаемой чередой²³. Занимающийся историей оккупированной Франции Ж. Антрэ (Университет Пари-И, Центр исторических исследований XIX века) в своей книге «Казачи на Елисейских полях»²⁴ уделит внимание не только периоду мирной оккупации 1815–1818 гг. (что стоит как бы за рамками истории собственно наполеоновских войн), но и кампании 1814 г. Автор акцентирует вопросы «военного насилия», повседневной жизни гражданского населения и следов присутствия оккупантов во французском обществе.

200-летние юбилеи русской и последующих кампаний вызвали разноплановый коммеморативный подъем, подробная характеристика которого заслуживает отдельного разговора, но бросается в глаза стремление организаторов и докладчиков подойти к истории наполеоновских войн с позиций военно-исторической антропологии. В 2012 г. в ходе Девятых «Дней истории Европы», посвященных теме «Франция и Россия в XIX–XX вв», М.-П. Рей сделала доклад, четко указывающий на смещение исследовательских интересов от событийной истории к истории сознания: «Репрезентации русской кампании в живописи, литературе и русско-французской историографии». Третья часть программы 9-го международного коллоквиума «Европейцы в наполеонов-

¹⁹ Bertaud 2006.

²⁰ Mir 2007; Rey 2012.

²¹ Linch 2011; War memories... 2012; Soldiering in Britain... 2012; Daly 2013; Wishon 2013; Kennedy 2013; James 2013; Esdaile, Freeman 2014; Russia and the Napoleonic Wars... 2015; War, Demobilization and Memory... 2016; Britain's soldiers... 2014.

²² Martin 2011.

²³ Mayer 2008. S. 37.

²⁴ Hantraye 2005. Конечно, название книги Антрэ – уловка, чтобы привлечь внимание. По содержанию ей больше подходит заголовок: «Казачи в департаменте Сены-и-Уазы». См.: Гладышев 2012.

ских войнах», который проходил 4-5 июня 2012 г. в Каркассоне, целиком посвящена эпизодам конфронтации гражданских лиц с военными²⁵. В рамках 200-летия кампании 1814 г. во Франции в апреле 2014 г. в Реймсе Французское общество истории медицины провело под председательством Жана Тюлара коллоквиум «Медики и солдаты в ходе кампаний времен Революции и Империи». Наконец, появляются диссертационные исследования, посвященные не собственно военным действиям, а жизни гражданского населения в условиях ведения военных действий, в условиях интервенции и оккупации. Так, Б. Блондо главное внимание уделяет даже не тому, как управлялась территория, занятая войсками победителей, а как на ней ощущалось присутствие войск: акцент исследователя смещается от событийной истории – истории «управления территорией» к истории ощущений, восприятий, сознания населения этой территории²⁶. По-видимому, уже наступает время осмыслить итоги этого поворота в истории наполеоновских войн. Как заявила об этом Н. Петито, «представляется интересным рассмотреть те новации, которые произошли в историографии под влиянием исторической антропологии войны применительно к изучению этого первого конфликта мирового масштаба»²⁷.

Как обстоят дела с антропологизацией изучения наполеоновских войн в отечественной историографии? Д. Ливен как-то указал на то, что российские историки замкнуты на описании военных действий и исключительно русско-французских. Но это не совсем справедливо. Антропологический поворот происходит и в отечественной историографии наполеоновских войн. В.Н. Земцов констатировал его на примере изучения Отечественной войны 1812 года: «от разбора чисто военных действий, вклада промышленности, мы всё более перемещаемся в «человеческое» измерение». В заключение своей методологической статьи В.Н. Земцов, развивая идею Ф. Броделя о трех измерениях исторического времени, дал прогноз: «значительно расширится привычная тематика – историки будут переключаться на изучение историко-антропологических, ментальных процессов и процессов межкультурного взаимодействия»²⁸. Когда же этот поворот начался?

²⁵ См.: Les Européens dans les guerres napoléoniennes... 2012.

²⁶ Blondeau 2013.

²⁷ См.: Петито 2013. С. 310.

²⁸ Земцов 2012. С. 122. Искать современные методологические новации в сочетании макроисторического и микроисторического подходов (что само по себе, на мой взгляд, еще не означает «бегства от баталии») готов и Э. Вовси, который призывает выяснить, «что, собственно, война 1812 г. значила для общества в целом и для отдельно взятого маленького человека, оказавшегося в гуще тех памятных и трагических событий» (Вовси 2011. С. 349).

Мы привыкли слышать, что критической точкой для отечественной историографии стало начало 1990-х, ознаменовавшееся «крахом привычных идеологических ориентиров», «методологическим плюрализмом», «эпистемологическим хаосом» и т.п. Иногда этот тезис победившего либерализма пытаются механически транслировать на изучение наполеоновских войн. «С 1992 г. в историографии Отечественной войны 1812 г. начался новый, современный этап ее развития, который продолжается и в настоящее время», – писал в 2012 г. И.А. Шеин Историк считает, что с 1992 г. «историография темы окончательно перешла в стадию обновления господствовавшей в течение нескольких десятилетий официально-патриотической концепции». При этом работы последнего десятилетия «по этическим соображениям» автор осознанно оставил вне поля своего внимания, а в чем же конкретно состоит в данном случае борьба нового со старым, так и не уточнил, лишь туманно намекнув на некие «новые методологические подходы»²⁹.

В. Земцов, выявляя современные тенденции в зарубежной историографии (применительно к изучению войны 1812 года), констатировал начало «постепенного преодоления» позитивистского и постмодернистского подхода к источникам, а также начало исследований «проблем историко-социального характера и исторической памяти»³⁰. При этом он отмечал, что «отход от чисто военной тематики в изучении 1812 г. и процесс обновления методологического инструментария происходили и происходят в России значительно медленнее, чем на Западе. Только в самом конце XX – начале XXI в. исследователи стали касаться проблем, изучаемых в рамках социальной истории, исторической психологии, истории ментальностей, исторической памяти и других сфер современного гуманитарного знания»³¹.

Акцентируя не столько темпы и насыщенность обновления методологического инструментария у отечественных специалистов по наполеоновским войнам, сколько сам факт такого обновления, все же отметим, что еще в 1998 г. в статье С.А. Малышкина было заявлено об «опыте историко-антропологического исследования»³². Да и традиционные еще с дореволюционной историографии темы «Отечественная война и русское общество» или «Военнопленные Великой армии в России» обречены были приобрести антропологический уклон³³. Так что антропологизация истории наполеоновских войн началась, конеч-

²⁹ Шеин 2012. С. 23-24. Беглый обзор историографии первого десятилетия 2000-х гг., чтобы подчеркнуть «разнообразие новых сюжетов исследований», сделал в этом же сборнике Э. Вовси (С. 33).

³⁰ Земцов 2011. С. 360.

³¹ Там же. С. 361.

³² Малышкин 1998.

³³ Ср.: Сироткин 1974; Бессонов 2000; Белоусов 2006; Гладышев, Тотфалушин 2006.

но, не с распадом СССР, а с конца 1990-х и практически одновременно с аналогичным процессом во французской историографии.

Зародившейся у отечественных ученых во второй половине 1990-х и утвердившийся в 2000-х гг. научный интерес к имагологическим исследованиям затронул со временем и историю наполеоновских войн. В принципе, внимание к изучению образа «Другого» в эпоху наполеоновских войн появилось еще до того, как имагология попыталась добиться самостоятельности в строю исторических дисциплин³⁴. Другое дело, что в отечественной историографии имагологические штудии могли вызвать порой открытую неприязнь у историков наполеоновских войн. Едва ли не первой к изучению образа России и русских в сознании военных и гражданских французов и образа Франции в сознании русских в рассматриваемый период обратилась М.В. Губина³⁵. Вехой на этом пути стала реализация русско-французского проекта под руководством А.В. Чудинова по имагологии русских и французов в эпоху наполеоновских войн³⁶. В духе военно-исторической антропологии (истории повседневности, имагологии или исторической памяти) пишут сегодня о наполеоновских войнах Л.Л. Ивченко, С.В. Белоусов, Л.В. Мельникова, Н.П. Таньшина, Т.А. Третьякова, Н.А. Могилевский, А.А. Митрофанов, Н.В. Промыслов, Е.А. Прусская. В том, что касается русско-французских взаимных восприятий в эпоху наполеоновских войн, современная российская историография не только не уступает французской, но и превосходит ее, как минимум, по «темпам роста».

Осознание историками антропологического поворота в военной истории вынуждает их как-то определиться в отношении господствовавшей ранее традиции историописания, с одной стороны, и учесть подводные камни нового мейнстрима – с другой. Э. Вовси и В. Земцов видят будущее за микроисторическим подходом, при котором позитивистские разыскания служат материалом для фундамента или каркаса, а антропологические – для самого здания со всеми его архитектурными изысками³⁷. Историки стремятся оставаться на, как им кажется, твердой почве «исторических фактов». Факты – фундамент научного здания.

³⁴ Например: Pingaud 1886; Michel 1981; Cadot 1988.

³⁵ Губина 2000; 2002. Ею защищена диссертация «La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812–1827» (2007 г.)

³⁶ См.: Французский ежегодник 2012. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / Под ред. А.В. Чудинова; Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память / Под ред. А.В. Чудинова; Annales historiques de la Révolution française. 2012. № 369.

³⁷ «При этом “новая историческая наука” и “новая историография” вовсе не отрицают необходимость скрупулезных позитивистских разработок, которые, однако, должны восприниматься только как некий первоначальный, черновой (хотя и очень трудоемкий) этап того, что историку еще предстоит понять и осуществить». См.: Земцов 2011. С. 359.

Отсюда императив: тщательное фактологическое исследование, больше констатирующее экзистенциальность фактов, нежели их интерпретирующее, является необходимым фундаментом для всех последующих систематизаций и объяснений. Факт не может быть сам по себе ни «позитивистским», ни «антропологическим». И дань уважения позитивизму – отражение того, что «проблемных мест» у антропологического подхода как вообще, так и применительно к военной истории еще много. Связаны они часто не с исторической антропологией как таковой, а с подготовленностью исследователя: поверхностность, схематичность, волюнтаризм в подборе цитат из источников, к сожалению, становятся едва ли не отличительной чертой *макро*антропологических или культурологических работ. Чем шире хронология поставленной в статье проблемы, тем вероятнее ожидать именно таких недостатков.

При расширительно-неопределенном толковании исторической антропологии иногда забывается разница между историей материи и историей сознания: «антропологическим» в нашей историографии может быть и то, и другое. Микроистория в этом отношении также всеядна. Не возражая в принципе против определения «микроистории» как рецепта для современных военных историков, замечу, что желательнее было бы определиться, до какого конкретно микроуровня мы должны спуститься, не оказавшись при этом в *нано*истории. Договориться об этом ученые (тем более, историки) между собой, естественно, не смогут, поэтому акцентировать будем не масштаб поставленной задачи, а методику анализа и объект исследования. Связываемые же с антропологическим поворотом тенденции состоят в акцентировании внимания исследователей на проблематике сознания, подсознания, чувств и ощущений индивидов в атмосфере войны. Признаем необходимость комплексной критики каждого источника, скрупулезность анализа каждого отдельно взятого нарратива. При комментировании этих по преимуществу субъективных источников не обойтись и без т.н. позитивистской, событийной истории. В русле военно-исторической антропологии, мы ориентируемся в первую очередь на изучение не событий, а людей, феноменов их сознания. Но поскольку «любой текст требует контекст», и не только культурный, но и политический, в ряде случаев мы вынуждены обращаться и к вопросам событийной истории.

Произошедший в середине 1990-х гг. методологический поворот в изучении военной истории, активизация историко-антропологических и культурологических подходов, привлечение в исторические исследования методов психологии, социологии, лингвистики, визуальной антропологии, попытки преодолеть рамки традиционных национальных нарративов с их локально односторонней оценкой событий, новое рождение биографики (в т.ч. полководцев), реинкарнация событийной истории – весь методологический плюрализм начала XXI века вызвали

к жизни интерес к кросс-культурному диалогу. Таким образом, один из путей развития военной истории видится через микроантропологический анализ к кросс-культурному синтезу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бажуков В.И. Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // *Армия и общество*. 2008. № 3. С. 37-45.
- Бекер Ж.–Ж. Новое в изучении истории Первой Мировой войны во Франции // *Новая и новейшая история*. 1999. № 2. С. 44-52.
- Вовси Э.М. Qui non proficit deficit (о некоторых направлениях по изучению эпохи войны 1812) // *Французский ежегодник, 2011: Отечественная война 1812 г.: актуальные вопр. совр. историографии: Материалы Круглого стола*. М., 2011. С. 348-357.
- Вольперт Л.И. Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // *Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков*. Таллинн, 1990
- Гладышев А.В. Вопросы изучения истории оккупации Франции в 1814-1818 гг. и работы Ж. Антрэ // *История и историческая память. Межвуз сб. науч. тр. / Под ред А.В. Гладышева*. Саратов, 2012. Вып. 6. С. 260-286.
- Гладышев А.В., Тотфалушин В.П. Страдания француза в России. По страницам воспоминаний Р. Вьейо о пребывании в русском плену в 1812–1814 гг. // *Россия и Франция. XVIII–XX века*. М., 2006. Вып. 7. С. 115-137.
- Губина М.В. Франция в восприятии российских военных: эволюция стереотипов (1814–1818) // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2000. Вып. 1. С. 136-141.
- Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2002. Вып. 2. С. 153-161.
- Земцов В.Н. Микроистория и перспективы изучения Отечественной войны 1812 года // *Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар; Вологда, 2012*. Вып. 8. С. 40-45.
- Земцов В.Н. Несколько мыслей, возникших при чтении доклада Э.М. Вовси // *Французский ежегодник, 2011: Отечественная война 1812 г.: актуальные вопр. совр. историографии: Материалы Круглого стола*. М., 2011. С. 358-363.
- Мальшкин С.А. Человек в Бородинской битве: опыт историко-антропологического исследования // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы*. Бородино, 1998. С. 103-115.
- Петито Н. Французская историография наполеоновских войн // *Французский ежегодник*. 2013. М., 2013. С. 310-314.
- Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995.
- Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.
- Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // *Военно-историческая антропология*. М., 2002. С. 135-145.
- Собуль А. Герой, «легенда» и история // *Французский ежегодник*. 1969. М., 1970.
- Стерликов А.А. Возникновение наполеоновской «легенды» // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2007. Т. 4. № 8.
- Человек и война. Война как явление культуры: Материалы международной научной конференции (Челябинск, 2000). М., 2001.
- Шеин И.А. История нашествия Наполеона в Россию в отечественной историографии // *Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар; Вологда, 2012*. Вып. 8. С. 3-30.
- Bertaud J-P. Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon. P.: Grand livre du mois, 2006. 460 p.

- Blondeau B. Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Domdes. Lyon: Société des Etudes Historiques Révolutionnaire et Impériales, 2013. 322 p.
- Britain's soldiers: rethinking war and society. 1715-1815 / Edit. K. Linch, M. McCormack. Liverpool: Liverpool University Press, 2014.
- Cadot M. Cosaques, Huns, Mongols: Les nouveaux barbares dans l'imaginaire europeen de 1814 à 1918 // Actas del VI simposio de la sociedad Espanola de literature general y comparada. Granad, 1988. P. 9-15.
- Cate C. La Campagne de Russie, 1812, le duel des empereurs. Paris: le Grand livre du mois, 2000).
- Daly G. The British Soldier in the Peninsular War: Encounters with Spain and Portugal, 1808-1814. Houndmills: Palgrave. 2013.
- Dechamps J. Sur la légende de Napoléon. Paris: H. Champion, 1931.
- Descotes M. La legende de Napoleon et les ecrivains francais du XIXe siècle. Paris 1967.
- Driaault É. Napoléon et l'Europe, la chute de l'Empire: la légende de Napoléon, 1812-1815. Paris: F. Alcan, 1927.
- Esdale Ch., Freeman Ph. Burgos in the Peninsular War, 1808-1814. Occupation, Siege, Aftermath. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2014.
- Forrest A. Napoleon's men. The Soldiers of the Revolution and Empire. L.: Hambledon and London, 2002. 248 p.
- Guerres et Cultures. 1914-1918 / Dir. J.-J Becker. Paris: Éditions Armand Colin, 1994.
- Gonnard Ph. Les origines de la légende napoléonienne: l'oeuvre historique de Napoléon à Sainte-Hélène. Paris: Calmann-Lévy, 1906.
- Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P.: Belin, 2005. 303 p.
- Hazareesingh S. *La légende de Napoléon*. Paris: Tallandier, 2005. 414 p.
- James L.S. Witnessing the Revolutionary and Napoleonic Wars in German Central Europe. London: Palgrave Macmillan, 2013.
- Kennedy C. Narratives of the Revolutionary and Napoleonic Wars. Military and Civilian Experience in Britain and Ireland. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Largeaud J.-M. Les temps retrouvés de Waterloo // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2002. № 2 (25). P. 145-152.
- Les Européens dans les guerres napoléoniennes* / Dir. N. Petiteau, J.-M. Olivier, S. Caucanas. Toulouse: Privat, 2012. 287 p.
- Linch K. Britain and Wellington's army. Recruitment, Society and Tradition, 1807-15. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Martin B. Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th – century France. Durham: University of New Hampshire Press, 2011. 379 p.
- Mayer K.J. Napoleons Soldaten: Alltag in der Grande Armée. Darmstadt: Primus Verlag, 2008. 145 s.
- Michel P. Les Barabares, 1789-1848: un mythe romantique. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1981. 656 p.
- Muir R. Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon. New Haven, L., 1998.
- Mir J.-P. Le Soldat d'Empire au quotidien. Vie d'autrefois. P.: Archives & Culture, 2007. 160 p.
- Perivier A. Napoléon journaliste Paris: Plon, 1918.
- Petiteau N. Lendemain de l'Empire: les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. P.: La Boutique de l'Histoire, 2003. 400 p.
- Petiteau N. Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire // Revue d'histoire du XIXe siècle. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle. 2005. № 30. P. 1-39.
- Petiteau N. «Sudhir Hazareesingh. The Legend of Napoleon. Londres: Granta Books, 2004» // Revue d'histoire du XIXe siècle [En ligne], 30 | 2005, mis en ligne le 19 février 2006. URL : <http://rh19.revues.org/1044> (время доступа 30.12. 2015).
- Petiteau N. La campagne de Russie de 1812: mythes et réalités // Revue des études slaves. 1812, la campagne de Russie. 2012. V. 83. № 4. P. 1047-1060.
- Pigeard A. L'Armée de Napoléon: organisation et vie quotidienne. P.: Tallandier, 2000. 366 p.

- Pingaud L. Les Française en Russie et les Russes en France. L' Ancien regime, l' emigration, les invasions. P.: Perrin, 1886. 510 p.
- Rey M.-P. L' Effroyable Tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P.: Flammarion, 2012. 390 p.
- Rothenberg G.E. The Art of Warfare in the Age of Napoleon. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 272 p.
- Roynette O. Les mots des soldats. P.: Belin, 2004. 270 p.
- Roynette O. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2005. № 30.
- Russia and the Napoleonic Wars / Ed. J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Palgrave Macmillan, 2015.
- Soldiering in Britain and Ireland, 1750-1850 / Ed. C. Kennedy; M. McCormack. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.
- War, Demobilization and Memory. The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / Edit. A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016.
- War memories. The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / Ed. A. Forrest, É. François, K. Hagemann. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Wishon M. German Forces and the British Army. Interactions and Perceptions, 1742-1815. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

REFERENCES

- Bazhukov V.I. Voennaja antropologija: ob#ekt, predmet, napravlenija, metodologija // Armija i obshhestvo. 2008. № 3. S. 37-45.
- Beker Zh.-Zh. Novoe v izuchenii istorii Pervoj Mirovoj vojny vo Francii // Novaja i novejšaja istorija. 1999. № 2. S. 44-52.
- Vovsi Je.M. Qui non proficit deficit (o nekotoryh napravlenijah po izucheniju jepohi vojny 1812) // Francuzskij ezhegodnik, 2011: Otechestvennaja vojna 1812 g.: aktual'nye vopr. sovr. istoriografii: Materialy Kruglogo stola. M., 2011. S. 348-357.
- Gladyshev A.V. Voprosy izuchenija istorii okkupacii Francii v 1814-1818 gg. i raboty Zh. Antrje // Istorija i istoricheskaja pamjat'. Mezhvuz sb. nauch. tr. / Pod red A.V. Gladysheva. Saratov, 2012. Vyp. 6. S. 260-286.
- Gladyshev A.V., Totfalushin V.P. Stradanija francuza v Rossii. Po stranicam vospominanij R. V'ejo o prebyvanii v russkom plenu v 1812-1814 gg. // Rossija i Francija. XVIII-XX veka. M., 2006. Vyp. 7. S. 115-137.
- Gubina M.V. Francija v vosprijatii rossijskih voennyh: jevoljucija stereotipov (1814-1818) // Rossija i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. M., 2000. Vyp. 1. S. 136-141.
- Gubina M.V. Osobennosti obraza Rossii i russkih v soznanii francuzskih sovremennikov v 1814-1818 gg. // Rossija i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. M., 2002. Vyp. 2. S. 153-161.
- Zemcov V.N. Mikroistorija i perspektivy izuchenija Otechestvennoj vojny 1812 goda // Trudy Komi otdelenija Akademii voenno-istoricheskikh nauk. Syktyvkar; Vologda, 2012. Vyp. 8. S. 40-45.
- Zemcov V.N. Neskol'ko myslej, voznikshih pri chtenii doklada Je.M. Vovsi // Francuzskij ezhegodnik, 2011: Otechestvennaja vojna 1812 g.: aktual'nye vopr. sovr. istoriografii: Materialy Kruglogo stola. M., 2011. S. 358-363.
- Malyszhkin S.A. Chelovek v Borodinskoj bitve: opyt istoriko-antropologicheskogo issledovani-ja // Otechestvennaja vojna 1812 goda: Istochniki. Pamjatniki. Problemy. Borodino, 1998. S. 103-115.
- Petito N. Francuzskaja istoriografija napoleonovskih vojn // Francuzskij ezhegodnik. 2013. M., 2013. S. 310-314.
- Senjavskaia E.S. Chelovek na vojne. Istoriko-psihologicheskie ocherki. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 1997. 232 s.
- Senjavskaia E.S. Voенно-istoricheskaja antropologija kak novaja otrasl' istoricheskoi nauki // Voенно-istoricheskaja antropologija. M., 2002. S. 135-145.

- Shein I.A. Istorija nastestvija Napoleona v Rossiju v otechestvennoj istoriografii // Trudy Komi otdelenija Akademii voenno-istoricheskikh nauk. Syktyvkar; Vologda, 2012. Vyp. 8. S. 3-30.
- Bertaud J-P. Quand les enfants parlaient de gloire. L'armée au Coeur de la France de Napoléon. P.: Grand livre du mois, 2006. 460 p.
- Blondeau B. Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Domdes. Lyon: Société des Etudes Historiques Révolutionnaire et Impériales, 2013. 322 p.
- Britain's soldiers: rethinking war and society, 1715-1815 / Edit. K. Linch, M. McCormack. Liverpool: Liverpool University Press, 2014.
- Cadot M. Cosaques, Huns, Mongols: Les nouveaux barbares dans l'imaginaire europeen de 1814 à 1918 // Actas del VI simposio de la sociedad Espanola de literature general y comparada. Granad, 1988. P. 9-15.
- Cate C. La Campagne de Russie, 1812, le duel des empereurs. Paris: le Grand livre du mois, 2000).
- Daly G. The British Soldier in the Peninsular War: Encounters with Spain and Portugal, 1808-1814. Houndmills: Palgrave. 2013.
- Dechamps J. Sur la légende de Napoléon. Paris: H. Champion, 1931.
- Descotez M. La legende de Napoleon et les ecrivains francais du XIXe siècle. Paris 1967.
- Driaault É. Napoléon et l'Europe, la chute de l'Empire: la légende de Napoléon, 1812-1815. Paris: F. Alcan, 1927.
- Esdaile Ch., Freeman Ph. Burgos in the Peninsular War, 1808-1814. Occupation, Siege, Aftermath. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2014.
- Forrest A. Napoleon's men. The Soldiers of the Revolution and Empire. L.: Hambledon and London, 2002. 248 p.
- Guerres et Cultures. 1914-1918 / Dir. J.-J Becker. Paris: Éditions Armand Colin, 1994.
- Gonnard Ph. Les origines de la légende napoléonienne: l'oeuvre historique de Napoléon à Sainte-Hélène. Paris: Calmann-Lévy, 1906.
- Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. P.: Belin, 2005. 303 p.
- Hazareesingh S. *La légende de Napoléon*. Paris: Tallandier, 2005. 414 p.
- James L.S. Witnessing the Revolutionary and Napoleonic Wars in German Central Europe. London: Palgrave Macmillan, 2013.
- Kennedy C. Narratives of the Revolutionary and Napoleonic Wars. Military and Civilian Experience in Britain and Ireland. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Largeaud J.-M. Les temps retrouvés de Waterloo // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2002. № 2 (25). P. 145-152.
- Les Européens dans les guerres napoléoniennes* / Dir. N. Petiteau, J.-M. Olivier, S. Caucanas. Toulouse: Privat, 2012. 287 p.
- Linch K. Britain and Wellington's army. Recruitment, Society and Tradition, 1807-15. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Martin B. Napoleonic Friendship: Military fraternity, intimacy and sexuality in 19th – century France. Durham: University of New Hampshire Press, 2011. 379 p.
- Mayer K.J. Napoleons Soldaten: Alltag in der Grande Armée. Darmstadt: Primus Verlag, 2008. 145 s.
- Michel P. Les Barabares, 1789-1848: un mythe romantique. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1981. 656 p.
- Muir R. Tactics and the Experience of Battle in the Age of Napoleon. New Haven, L., 1998.
- Mir J.-P. Le Soldat d'Empire au quotidien. Vie d'autrefois. P.: Archives & Culture, 2007. 160 p.
- Perivier A. Napoléon journaliste Paris: Plon, 1918.
- Petiteau N. Lendemain d'Empire: les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. P.: La Boutique de l'Histoire, 2003. 400 p.
- Petiteau N. Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire // Revue d'histoire du XIXe siècle. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle. 2005. № 30. P. 1-39.

- Petiteau N. «Sudhir Hazareesingh. The Legend of Napoleon. Londres: Granta Books, 2004» // Revue d'histoire du XIXe siècle [En ligne], 30 | 2005, mis en ligne le 19 février 2006. URL : <http://rh19.revues.org/1044> (время доступа 30.12. 2015).
- Petiteau N. La campagne de Russie de 1812: mythes et réalités // Revue des études slaves. 1812, la campagne de Russie. 2012. V. 83. № 4. P. 1047-1060.
- Pigeard A. L'Armée de Napoléon: organisation et vie quotidienne. P.: Tallandier, 2000. 366 p.
- Pingaud L. Les Française en Russie et les Russes en France. L'Ancien regime, l'emigration, les invasions. P.: Perrin, 1886. 510 p.
- Rey M.-P. L'Effroyable Tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P.: Flammarion, 2012. 390 p.
- Rothenberg G.E. The Art of Warfare in the Age of Napoleon. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 272 p.
- Roynette O. Les mots des soldats. P.: Belin, 2004. 270 p.
- Roynette O. Pour une histoire culturelle de la guerre au XIXe siècle // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2005. № 30.
- Russia and the Napoleonic Wars / Ed. J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. Palgrave Macmillan, 2015.
- Soldiering in Britain and Ireland, 1750-1850 / Ed. C. Kennedy; M. McCormack. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2012.
- War, Demobilization and Memory. The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / Edit. A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016.
- War memories. The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / Ed. A. Forrest, É. François, K. Hagemann. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Wishon M. German Forces and the British Army. Interactions and Perceptions, 1742-1815. Basingstoke: Palgrave Mcmillan, 2013.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и заведующий кафедрой региональной истории и музееведения СГУ им. Н.Г. Чернышевского; Gladav2002@mail.ru

The anthropological turn in military history

The anthropological turn was reflected on military history too, on the basis of which military-historical anthropology stands out. In the historiography of the human dimension in military history discussions began in 1994-1995. The turn in the anthropologization of the history of Napoleonic wars (and wars of the XIX century, in general) took place five or seven years later than a turn in the anthropologization of the wars of the XX century. The attention of researchers is now focused on the cultural and social aspects of war as a historical phenomenon. At the same time, the "turn" is conditional: those subjects that are considered as a visiting card of military historical anthropology today often became the object of attention before all declarations about this turn. In the end, that turn is a statement of what was accomplished already and not a declaration of intent.

Keywords: anthropological turn, military history, history of France, Napoleonic wars, microanthropological analysis, cross-cultural synthesis, nanohistory

Andrei Gladyshev, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of World History, Head of the Department of Regional history and Museology, Saratov State University. Gladav2002@mail.ru